Для цитирования: Квятковский Г. Ю. Логические приемы формирования систем категорий для анализа социальных и культурных систем // Социум и власть. 2018. № 1 (69). С. 99–106.

УДК 001.1:316

ЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМ КАТЕГОРИЙ ДЛЯ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМ

Квятковский Георгий Юрьевич,
Южно-Уральский государственный университет,
доцент кафедры философии,
кандидат социологических наук,
Российская Федерация, 454080, г. Челябинск,
пр. Ленина, д. 76.
E-mail: kwiatkowski_geor@mail.ru

Аннотация
В статье рассматривается проблема формирования системы категорий, применимых для анализа социальных и культурных систем. Труды Аристотеля и И. Канта создали традицию аналитического подхода формирования систем категорий, автором предлагаемой статьи выделены четыре дополнительных подхода (экзегетический, аксиоматический, эмпирический и поэтический), описаны логические процедуры, предваряющие применение этих подходов, показан опыт их применения в исследованиях социальных и культурных систем.

Ключевые понятия:
социальная система,
система категорий,
социальная философия,
исследования культуры.

Постановка проблемы. Классический аналитический подход

В логике категория определяется как предельно общее понятие, объем которого настолько велик, что исчезает его конкретное содержание (согласно закону отношения объема и содержания понятий). Традиции категориального анализа восходят к трудам Аристотеля и Канта, их подход следует назвать аналитическим, поскольку источником применяемых для описания окружающей и мыслимой действительности считается человеческий разум, разделяющий действительность на составные части и дающий этим частям имена. Аристотель задал систему из 10 категорий как особый язык описания метафизических объектов, возникающий из свойств понятий, высказанных без всякой связи с другими понятиями, Кант, в свою очередь, полагал, что категории являются функцией человеческого разума, посредством которых субъект упорядочивает представления о внешнем мире. В более поздних трудах (например, у М. Г. Ярошевского, Г. П. Щедровицкого, М. С. Кагана и прочих) набор категорий изменялся и уточнялся в зависимости от предмета и сферы исследования, однако все эти исследования стремятся составить рациональную картину мира, имеют в своей основе метафизические основания, системный подход и диалектический метод рассуждения. Так были созданы системы категорий, применяемые в естественных и точных науках, на их основе был разработан общепонятный язык науки, осуществляется передача теоретического и эмпирического знания. Этот способ работы с категориальными системами мы далее будем называть аналитическим подходом.

Однако попытки применить аналогичный порядок формирования систем категорий на базе метафизического метода к социальным и культурным системам показали ограниченность возможностей этого порядка, так как он предполагает единство картины мира и процедур мышления в различных культурах. Антропология, социология, психология, политология и прочие гуманитарные науки, признающие своеобразие каждой отдельной культуры, описывают каждую систему в ее собственных категориях неуниверсального порядка. Категоризация социальных и культурных систем осложняется

значимостью иррационального компонента, альтернативных логик мышления и деятельности, высокой ролью творческого воображения субъектов культуры, плюрализмом моделей их деятельности. Эти сложности зачастую побуждают исследователей-гуманитариев либо отказываться от разработки собственного категориального анализа, обращаясь к опыту предыдущих исследований, либо снижать степень строгости аналитических процедур при выработке систем категорий, что приводит к столь же нестрогим исследовательским результатам.

Между тем, представляется, что даже при отказе от использования рационального подхода, можно соблюсти требования логической строгости систем категорий, и эта строгость будет обеспечена проведением логических операций, предшествующих формированию систем категорий. На примере работ отечественных и зарубежных исследований мы рассмотрим эти процедуры и охарактеризуем их эвристический потенциал.

Экзегетический способ

Формирование системы категорий с позиций аналитического подхода оказывается возможным при наличии ясной и отчетливой картины мира, которые распадается на отдельные элементы, имеющие реальное значение в исследуемой системе. Сложность заключается в том, что выделенные аналитическим путем категории, безупречные с точки зрения формальной логики, могут не иметь реального содержания в конкретной культуре. Так, в книге С. С. Аверинцева «Поэтика ранневизантийской литературы» отмечено, что категории эстетики в отношении ранневизантийской литературы могут применяться лишь во внеэстетическом контексте, так как строгой науки эстетики с развитым категориальным аппаратом в раннем Средневековье еще не существовало. Выделить категории аналитическим путем не представляется возможным, однако их можно сформировать на базе совокупности текстов, подвергнутых специальным процедурам истолкования. Этот подход мы называем экзегетическим в силу того, что он основан на изучении крупного массива текстов, рассматриваемых как своеобразное сакральное ядро исследуемой системы, истинность содержания и фактическая значимость которых не подвергается сомнению.

Особенностью формирования системы категорий С. С. Аверинцевым является понимание византийской культуры как относительно единой – благодаря общности социальных и культурных противоречий эпохи, уровней системы культуры и принципов поэтики – но все же переходной от античности к классическому Средневековью, что затрудняет выделение ее собственной категориальной основы. Для характеристики переходных эпох набор категорий рационально представлять в виде противоречий, поскольку «разлад и распад высвобождают фундаментальное противоречие, до поры дремавшее в основании цивилизации. Сдвиг и слом обнажают для аналитического глаза скрытые структуры, и все тайное становится явным» [1, с. 237].

Утверждая, что «всякая культура живет сбалансированным противоборством противоположностей... Чем выявляется ранневизантийская культура, так это тем, что в ее кругу крайности особенно контрастны, а их приведение к единству особенно парадоксально» [1, с. 239], С. С. Аверинцев выстраивает систему категорий на фундаменте парадоксальности. Парадоксальной является связь между политической идеологией и теорией символа, традициями античного мышления и появлением рифмованных строф в византийской поэзии, бюрократией Византии и тщательной проработкой поэтических текстов, но эти парадоксы вписаны в контекст сменяющихся эпох. При этом пары категорий необязательно должны формироваться по правилам логического отрицания, важно то, какие категории в исследуемой системе реально функционируют как оппозиционные.

В основу системы категорий С. С. Аверинцевым положена совокупность текстов, обеспечивающих достаточное количество единиц анализа для формирования системы категорий. Естественно, если исследователь не обладает достаточным количеством зафиксированных фактов внутреннего единства или уникальности наблюдаемых социальных и культурных систем, использовать экзегетический подход не представляется возможным.

К этому же подходу можно отнести книгу Р. Бенедикт «Хризантема и меч». Ее исследование основано на конкретном материале, однако мы не склонны соотносить его с эмпирическим подходом выработки категориального аппарата, поскольку полевой работе предшествовала работа с культурны-

ми фактами, понятыми как тексты. Полевая работа (беседы, наблюдения, совместные просмотры японских фильмов и т. д.) с информантами – японцами, проживающими в США, – позволила автору сформулировать алгоритм отбора категорий из всего массива наблюдаемых фактов:

- японская культура в высшей степени противоречива: «Противоречия – основа основ книг о Японии... И меч, и хризантема – части этой картины. Японцы в высшей степени агрессивны и неагрессивны, воинственны и эстетичны, дерзки и вежливы, непреклонны и уступчивы, преданны и вероломны, храбры и трусливы, консервативны и восприимчивы к новому» [4];
- за основу изучения должны быть взяты нормы и ценности японской культуры, которые надо изучать на примере повседневной жизни носителей этой культуры: «человеческому поведению в любом примитивном обществе или в любой находящейся в авангарде цивилизации нации учатся в повседневной жизни» [5];
- необходимо принять положение о глубоких культурных различиях между американцами и японцами, которые, однако, не означают, что другой народ «из-за фантастического характера различий невозможно понять» [5].
- Р. Бенедикт была убеждена в том, что «между самыми обособленными частями поведения существует определенная системная связь друг с другом... что из сотен деталей складываются общие модели. Любое человеческое общество должно создать для себя некую схему жизни. Оно санкционирует определенные способы реакции на ситуации, определенные суждения о них... Необходим определенный уровень устойчивости, иначе вся схема развалится на куски» [5].

Принимая идею связи между любыми (возможно, неродственными) элементами системы культуры, мы не должны удивляться тому, что в тексте Р. Бенедикт японская культура характеризуется посредством таких категорий, как «самодисциплина», «должное место», «очищение своего имени», «верность себе» и так далее. Очевидно, что взятые Р. Бенедикт категории не могут считаться исчерпывающими для полной характеристики японской культуры, однако не стоит забывать, что исследование должно было в кратчайшие сроки дать ответ на актуальный и сложный вопрос – что делать с побежденной Японией? Поэтому автор в значительной степени исходил из специфики исследовательского задания, а не создавал стройную систему знания.

Обе рассмотренные работы основаны на совокупности текстов, документирующих некоторую совокупность фактов: в первом случае – фактов литературной деятельности, репрезентирующей особенности культурного поведения в переходную эпоху, во втором – поведенческих фактов, интерпретированных американским культурантропологом по канону японской культуры. Обращает на себя внимание то, что обе работы сосредоточились на выявлении особенного в культуре, культурных различий (от граничащих с ранним Средневековьем эпох и от внешних по отношению к Японии культур). Экзегетический подход к категоризации в наибольшей мере способствует вскрытию внутренней борьбы в социальных и культурных системах, а обнаруженное в этих системах единство лишь задает внешние границы для интенсивной внутренней жизни системы.

Аксиоматический подход

Б. Малиновский в работе «Научная теория культуры» выстраивает систему категорий в первую очередь для того, чтобы определить предмет науки антропологии, появившейся сравнительно недавно и вынужденной отстаивать свое место в ряду наук, одновременно структурируя знание, накопленное в различных отраслях науки о человеке [10, с. 16]. С первых страниц исследования Б. Малиновский формулирует аксиоматическое положение – антропология является наукой, и ее предметом выступает научное исследование культуры [10, с. 16], а чуть далее указывает, что «дух и дело науки должны были присутствовать в разумном поведении человека уже в самом начале долгого пути создания и развития культуры» [10, с. 19]. Следовательно, исследование культуры становится исследованием разумного поведения человека, основанного на «прошлых наблюдениях для предсказания будущего» [10, с. 19], а движущей силой человеческой деятельности выступает потребность.

По мнению Малиновского, именно система удовлетворения «органических, базовых, потребностей индивида и человеческого рода в целом определяет минимальный набор требований, налагающий ограничения на всякую культуру» [10, с. 41–42]. К минимальным потребностям он относит питание, размножение, соблюдение гигиены, создание искусственной среды, которая постоянно воспроизводится, поддерживается и регулируется различными формами экономической организации в зависимости от культурного уровня сообщества, окружающей среды и производительности группы, передается из поколения в поколение, создает новые ограничения совместной человеческой деятельности в виде порядка, законности, обычаев, этики.

Сформулировав аксиомы своего подхода, Б. Малиновский одновременно задал категориальную сетку исследования, в дальнейшем заимствованную всей школой культурной антропологии. Принципиальная особенность этой категориальной сетки заключается в ее универсальности, она сосредоточена на выявлении общности культур, а не различий внутри них, и соответствует исследовательским целям британской антропологии середины XX в., изучающей своеобразие локальных культур.

Аналогичный подход представлен в работе Т. Парсонса «Система современных обществ», «Введение» к которой можно цитировать как иллюстрацию аксиоматического подхода к формированию категориального аппарата с первой страницы: «Тезис, лежащий в основе этой работы… состоит в том, что современный тип общества возник в единственной эволюционной зоне – на Западе… Следовательно, общество западного христианского мира послужило отправной точкой, из которой «взяло начало» то, что мы называем «системой» современных обществ» [12, с. 11]. Далее вводится аксиома следования автора традициям идеализма в веберовском духе и необходимости учитывать достижения науки последних 50 лет для того, чтобы сформулировать еще одну важную аксиому: общества современного типа «обладают более высокой и обобщенной, чем все другие, адаптивной способностью» [12, с. 13]. Добавив к вышеуказанным аксиомам положение об институционализации культуры системой общества и возможности обществ при определенных условиях плодотворно взаимодействовать между собой, Т. Парсонс формирует прочный фундамент для выстраивания системы категорий, к которой отнесены четыре подсистемы (социальная, культурная, личностная, поведенческая), их преимущественные функции (интеграция, воспроизводство образца, целедостижение и адаптация), две среды (физическая и высшая реальность), а также процессы взаимодействия систем (взаимопроникновение, интернализация, институционализация). Как указано у самого Парсонса, эти категории представляют собой «абстракции, выделенные аналитическим путем» [12, с. 15].

Итак, аксиоматический подход сосредоточивает внимание на единстве социальных и культурных систем, проявляющемся в единстве систем категорий в случае принятия аксиоматических положений как истинных суждений. Разработка иных наборов категорий для анализа этой же культуры должна начинаться с опровержения аксиом и заменой их альтернативными аксиомами.

Эмпирический подход

Рассмотренные выше экзегетический и аксиоматический подходы так или иначе используют достижения аналитического подхода, предваряя его процедурами подбора текстов либо процедурами выдвижения аксиом. Однако возможно формирование категориальной системы эмпирическим путем. Такого рода категориальные системы формируются исключительно на базе индивидуального опыта и применяются в основном с целью дополнить аналитическое знание о культуре характеристиками переживания ее событий на индивидуальном уровне. Однако в современных качественных исследованиях, которые помогают изучить структуры повседневной жизни и относительно замкнутые культурные миры, подобный подход может оказаться весьма плодотворным, особенно в том случае, если изучаемые системы изменяются с высокой скоростью.

Примером эмпирического подхода является книга Н. А. Бердяева «Самопознание (опыт философской автобиографии)», задуманная как «история духа и самосознания» [6, с. 7]. Представляется, что написанная на примере одного человека история духа и самосознания имеет смысл лишь в том случае, когда исторический фон становления духа задает проблемный контрапункт, обусловливающий вопрос «как оказалось возможным самопознание в таких услови-

ях?». В другие исторические моменты, не наполненные крупными потрясениями и яркими мировоззренческими дискуссиями, категоризация мира производится при помощи аналитического подхода, и эмпирически обоснованные системы категорий просто дублируют его результаты и потому оказываются бессмысленными.

Исторический (и автобиографический) фон становления мировоззрения Н. А. Бердяева включает в себя такие сложные (и даже катастрофические) события, как смена мировоззрения (переход с марксистских на идеалистические позиции), участие в идейной борьбе («я пережил три войны, из которых две могут быть названы мировыми, две революции в России, малую и большую, пережил духовный Ренессанс начала XX в., потом русский коммунизм, переворот в Германии, крах Франции и оккупацию ее победителями, я пережил изгнание и изгнанничество мое не закончено... я сидел четыре раза в тюрьме... был на три года сослан на Север, был выслан со своей Родины и, вероятно, закончу жизнь в изгнании» [6, с. 9]), долгую жизнь в изгнании. Отсюда проистекает авторское ощущение драматического единства индивидуальной жизни и судьбы даже не отдельной страны, но всего мира («я решаю заняться собой... потому что это может способствовать постановке и решению проблем человека и человеческой судьбы, а также пониманию нашей эпохи» [6, с. 10]).

Это же мироощущение обусловливает набор понятий, рассматриваемых Н. А. Бердяевым как категории: одиночество, тоска, свобода, бунтарство, жалость, искание смысла жизни, мир революционный, религиозная драма, исповедание веры и т. д. Безусловно, этот набор категорий может быть рассмотрен как система лишь в случае применения его к конкретному индивиду и не может быть применен даже к оказавшимся в сходных обстоятельствах другим индивидам, однако он дает представление о духовном напряжении поисков истины и смысла, об интеллектуальном напряжении эпохи, и даже одного такого примера для характеристики философской мысли России начала XX в. может оказаться достаточно.

В социологических науках эмпирический подход используется в биографических и автобиографических исследованиях, его методика описана в специальной социологической литературе, однако, трактовка понятия «категория» несколько отличается от привычного логического смысла. Так, А. Страусс и Д. Корбин определяют категории следующим образом: «Когда понятия сравнивают одно с другим и они кажутся относящимися к подобным феноменам, их группируют в более высокий порядок. Более абстрактное понятие называют категорией» [14, с. 52], т. е. категория признается не предельной абстракцией, а лишь абстракцией большего порядка. Но для целей качественных социологических исследований данное определение, вне всякого сомнения, является продуктивным.

Эмпирический подход является ограниченно продуктивным именно в силу своей неуниверсальности. Но следует отметить, что темпы жизни стремительно увеличиваются, социальная структура общества и культурный ландшафт меняются до неузнаваемости в кратчайшие сроки, и это повышает эвристическую ценность эмпирического подхода.

Поэтический подход

Наиболее проблематичным в отношении методологической строгости, и потому вызывающим наиболее критические отзывы, является подход, условно названный нами «поэтическим». Он применяется в первую очередь в процессе анализа художественных миров, а для формирования системы категорий авторы используют не столько аналитические процедуры, сколько синтетические, апеллируя к личному опыту и поэтическому воображению исследователя.

Так, Гастон Башляр во «Введении» к «Поэтике пространства» с самого начала ориентирует исследователей, привычных к аналитическому образу мышления, на принципиально иной, лишенный причинности, характер поэтических образов. Г. Башляр оперирует категорией «счастливого пространства», содержащие «совсем простые образы» [3, с. 22], и структура «счастливого пространства» задает структуру всей работы. Задачу исследования он определяет следующим образом: «определить человеческую ценность пространств, всецело нам принадлежащих, защищенных от враждебных сил, пространств, нами любимых» [3, с. 22]. Эта задача выполняется через переживание пространства, которое, таким образом, лишается привычной геометрической категориальной основы,

становясь переживаемым со всей пристрастностью воображения и наполняясь всем «богатством воображаемого бытия» [3, с. 23]. Специфика поэтического переживания пространств, в которых человек ощущает покой, и которые являются наиболее притягательными для него, определяют выбор образов, анализируемых далее: это образы дома, «жилья вещей» (ящиков, сундуков и шкафов), убежища, укромных углов, миниатюры и беспредельности (как два полюса проекции образов), внешнего и внутреннего и «наполненной округлости» [3, с. 24–25].

Столь специфический набор образов и обращение автора к философии психоанализа создали ему специфическую славу лидера школы «маргинального психоанализа» в литературной критике [2, с. 269–270], «скорее философствующего писателя, эстетика, нежели ученого», стиль которого экспрессивен, опирается на личный опыт, лишен строгой логики изложения [9], отходившего от строгой научности на каждом новом этапе своей эволюции он отходил от строгой научности все дальше [7]. И нельзя не отметить, что критические замечания в адрес работ Башляра по поэтике во многом оказываются справедливыми: они требуют от читателя энциклопедической эрудированности, обязательной готовности разделить мировоззренческие установки автора, отказа от логической стройности, что противоречит требованиям любого метода. Поэтому, хотя последователи Башляра многочисленны, а его подход к анализу художественного произведения в целом можно назвать плодотворным, вряд ли возможно утверждать, что он создал именно метод категоризации художественного пространства, скорее, можно говорить про его уникальное авторское описание.

Еще одним примером поэтического подхода к работе с категориями, хотя и в значительно меньшей степени использующим возможности воображения как инструмента конструирования реальности, является исследование А. Я. Гуревича «Категории средневековой культуры». Стоит оговориться, что в свете изданных в последние годы жизни воспоминаний эту работу по праву следует отнести к экзегетическому подходу, но долгое время она воспринималась именно в поэтическом ключе. Критические замечания 1970-1990-х гг., адресованные А. Я. Гуревичу, напоминают критику Г. Башляра, о них будет сказано ниже.

Набор категорий, взятый А. Я. Гуревичем для характеристики средневекового мировоззрения определялся им следующим образом: «Отношение к пространству и времени, природе, потустороннему миру, богатству, эмоциям, телу, сексу, браку, детям. Это набор категорий, который имеет некоторый центр, которым является человеческое “я”. Это я воспринимаю природу, отношусь к труду и т. д. Все эти категории являются ощущениями личности и вместе с тем ментальность не есть индивидуальная, осознанная мысль. Это некоторая система представлений и верований, овеществленных в поступках и языке культуры, которые не являются индивидуальными, но разделяются группой или цивилизацией. Это словарь или язык культуры, надличностные понятия и установки» [11]. По данному фрагменту можно проследить знакомство отечественного историка с работами французских исследователей школы Анналов, в некотором смысле, посвятивших себя сходной проблематике; и, характеризуя набор категорий, можно было бы ограничиться лишь этим замечанием, но нельзя пройти мимо развернувшейся после ее выхода дискуссии, иллюстрирующей отношение к поэтическому подходу в научном сообществе.

Собственно научная дискуссия о категориях данной работы была инициирована Л. М. Баткиным, указавшим в отзыве на книгу на относительно произвольный подбор категорий, характерных в большей мере для мировоззрения современного человека, чем для человека Средних веков: «...нужно исходить из тех понятий, вокруг которых крутились они сами [носители средневековой культуры]. Выдвигать на первый план в качестве основополагающих категорий то, что они считали основополагающими категориями. И мне кажется, что я был прав тогда по существу» [12]. В дальнейшем А. Я. Гуревич, считавший упреки Л. М. Баткина несправедливыми, согласился, что рассматривал эти категории как универсальные, и на основании их универсальности строил модель мировоззрения средневекового человека. Но все же перечисленные в книге категории были найдены им в проповеди средневекового теолога Бернарда Регенсбургского [8].

Аналогичные суждения высказывались и в отношении книги М. М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» – с поправкой на невозможность автора рабо-

тать в саранской ссылке с современными литературными источниками, незнание средневековых исторических источников, антисредневековые предубеждения филологов и неисторический характер исследования («Бахтин был гением, но он не был историком» [11]). По мнению А. Я. Гуревича, М. М. Бахтин разработал отличную от официально принятой в исторической науке систему понятий, другие категории, однако концепция карнавальной культуры оценивается историками как ошибочная, а авторские категории «карнавал», «амбивалентность», «смеющееся большинство» как неуниверсальные.

Примеры дискуссий вокруг работ А. Я. Гуревича и М. М. Бахтина были взяты не для того, чтобы актуализировать дискуссии о качестве исследовательской работы в Советском Союзе или чтобы упрекнуть советских исследователей, работавших в тяжелых до невыносимости условиях, в научной безграмотности, но чтобы подчеркнуть сложность проблемы категоризации социальных и культурных систем, при конструировании которых было задействовано художественное творческое воображение. Поэтический подход сложно оценивать как инструмент научного знания, однако он позволяет понять и интерпретировать художественные миры, что, в свою очередь, способствует развитию знания о культуре и обществе, к которым принадлежит автор.

* * *

Мы рассмотрели четыре альтернативных аналитическому подхода к формированию системы категорий для исследования социальных и культурных систем. Каждый из них может быть применен для анализа либо стабильных систем (аналитический подход), либо сравнительного анализа нестабильных систем (экзегетический подход), либо анализа на уровне отдельного индивида кризисных систем (эмпирический подход), либо анализа воображаемого компонента социальных и культурных систем адекватными ему средствами («поэтический» подход).

---

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М. : Наука, 1977. 320 с.

2. Барт Р. Что такое критика // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989. 616 с.

3. Башляр Г. Поэтика пространства. Избранное: поэтика пространства. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2004. 376 с.

4. Бенедикт Р. Хризантема и меч // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/read/benedikt_rut/hrizantema_i_mech.html#modal (дата обращения 18.01.2018).

5. Бенедикт Р. Хризантема и меч // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/read/benedikt_rut/hrizantema_i_mech.html#20480 (дата обращения 18.01.2018).

6. Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). М. : Книга, 1991. 448 с.

7. Зенкин С. Воображение Башляра (Г. Башляр. Избранное: Поэтика пространства) // Отечественные записки. URL: http://www.strana-oz.ru/2004/6/voobrazhenie-bashlyara-g-bashlyar-izbrannoe-poetika-prostranstva. (дата обращения 16.01.2018).

8. Ковельман А. Б. Ницшеанские парадигмы в гуманитарных исследованиях: Деррида, Аверинцев и другие // Вопросы философии. 2017. № 2. С. 18-30.

9. Кургузова В. Гастон Башляр. Психоанализ огня // Новый мир. 1995. № 3. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/3/abook02.html. (дата обращения 16.01.2018).

10. Малиновский Б. Научная теория культуры. М. : ОГИ, 2005. 184 с.

11. Матусевич Е. Интервью с А.Я. Гуревичем для журнала «Vox» // Ульвдалир. Эпоха викингов. URL: http://ulfdalir.ru/literature/3435/3540 (дата обращения 16.01.2018).

12. Парсонс Т. Система современных обществ. М. : Аспект-Персс, 1998. 270 с.

13. Рыжковский В. Интервью с Л. М. Баткиным (фрагменты) // Новое литературное обозрение. 2017. № 3 (145). С. 224–228.

14. Страусс А., Корбин Д. Основы качественного исследования. Обоснованная теория. Процедуры и техники. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.

References

1. Averincev S.S. (1977) Pojetika rannevizantijskoj literatury. Moscow, Nauka, 320 p. [in Rus].

2. Bart R. (1989) Chto takoe kritika // Izbrannye raboty. Semiotika. Pojetika. Moscow, Progress, 616 p. [in Rus].

3. Bashljar G. (2004) Pojetika prostranstva. Izbrannoe: Pojetika prostranstva. Moscow, Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 376 p. [in Rus].

4. Benedikt R. Hrizantema i mech // Jelektronnaja biblioteka RoyalLib.com, available at: https://royallib.com/read/benedikt_rut/hrizantema_i_mech.html#modal (accessed 18.01.2018) [in Rus].

5. Benedikt R. Hrizantema i mech // Jelektronnaja biblioteka RoyalLib.com, available at: https://royallib.com/read/benedikt_rut/hrizantema_i_mech.html#20480 (accessed 18.01.2018) [in Rus].

6. Berdjaev N.A. (1991) Samopoznanie (opyt filosofskoj avtobiografii). Moscow, Kniga, 448 p. [in Rus].

7. Zenkin S. (2004) *Otechestvennye zapiski,* available at: http://www.strana-oz.ru/2004/6/

voobrazhenie-bashlyara-g-bashlyar-izbrannoe-poetika-prostranstva (accessed 16.01.2018) [in Rus].

8. Kovel'man A.B. (2017) *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 18–30 [in Rus].

9. Kurguzova V. (1995) *Novyj mir*, no. 3, available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/3/abook02.html (accessed 16.01.2018) [in Rus].

10. Malinovskij B. (2005) Nauchnaja teorija kul'tury. Moscow, OGI, 184 p. [in Rus].

11. Matusevich E. Interv'ju s A.Ja. Gurevichem dlja zhurnala «Vox» // Ul'vdalir. Jepoha vikingov, available at: http://ulfdalir.ru/literature/3435/3540 (accessed 16.01.2018) [in Rus].

12. Parsons T. (1998) Sistema sovremennyh obshhestv. Moscow, Aspekt-Perss, 270 p. [in Rus].

13. Ryzhkovskij V. (2017) *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 3 (145), pp. 224-228 [in Rus].

14. Strauss A., Korbin D. (2001) Osnovy kachestvennogo issledovanija. Obosnovannaja teorija. Procedury i tehniki. Moscow, Jeditorial URSS, 256 p. [in Rus].

For citing: Kvyatkovsky G. Yu. Logical methods of forming the systems of categories for the analysis of social and cultural systems // Socium i vlast. 2018. № 1 (69). P. 99–106.

UDC 001.1:316

LOGICAL METHODS OF FORMING THE SYSTEMS OF CATEGORIES FOR THE ANALYSIS OF SOCIAL AND CULTURAL SYSTEMS

Kvyatkovsky Georgy Yuryevich
South Ural State University (National Research University)
Associate Professor of the Department Chair of Philosophy
Cand. Sc, (Sociology),
Russian Federation, 454080, Chelyabinsk, Prospect Lenina, d. 76.
Email: kwiatkowski_geor@mail.ru

Annotation
The author examines how the systems of categories used to analyze social and cultural systems emerge. The works of Aristotle and Kant established tradition of an analytical approach, the author of the proposed article highlighted four additional approaches (exegetical, axiomatical, empirical, poetical), described the logical procedure that precedes the application of these approaches and demonstrated some examples applied in the studies of social and cultural systems.

Key concepts:
social system,
system of categories,
social philosophy,
culture research.